УДК008 : 351.746.1+327

Ильин В.В.
доктор философских наук, профессор,
ведущий сотрудник отдела теории
и методологии всемирной истории
ГУ «Институт всемирной истории НАН України»

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК УСЛОВИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статті аналізується проблема «символічної влади» в багатомірності глобального світу, яка, виступаючи матрицею соціокультурного простору є умовою міжнародної безпеки і збереження миру.

***Ключові слова**: символічна влада, держава, політика, глобалізація, культура, безпека, цінності.*

В статье анализируется проблема «символической власти» в многомерности глобального мира, которая, выступая матрицей социокультурного пространства, является условием международной безопасности и сохранения мира.

***Ключевые слова**: символическая власть, государство, политика, глобализация, культура, безопасность, ценности.*

In the article it is analyzed the problem of a «symbolic power» in the multidimensional global world which as a sociocultural matrix of social and cultural space is a condition for international security and peace.

***Keywords**: symbolic space, state, politics, globalization, culture, security, values.*

Динамика глобализационных процессов не устраняет основною «геополитическую единицу» современности – национальное государство, которое выступает хозяйствующим субъектом и основным актером международных отношений. Как феномен, государство, по сути, является масштабной проекцией парадигмы социальных связей вообще, воплощающей в себе «потребность в какой-либо власти»» (Дж. Дьюи) и предупреждение «войны всех против всех» (Т. Гоббс). Всякое государство, локализовавшись однажды геополитически, обнаруживает себя в окружении государств-визави, факт существования которых заставляет с собой считаться, и необходимость вступления в отношения, с которыми является естественной потребностью. Сущность государства такова, что если на внутренней арене оно выступает в

роли «попечителя» и «гаранта», то на внешней – прежде всего, в качестве «контрактора» (исключая случаи протектората). Отношение к государству-визави, как правило, формируется на основании отношения к государствообразующей нации – даже в случае декларированной наднациональной сущности государственного образования [1, с. 47].

Другое государство всегда воспринимается как «предстоящее» (М. Хайдеггер), и, принимая во внимание роль экономических, демографических, политических и этнокультурных факторов, всегда представляет собой большую или меньшую угрозу (точно так же, как личность-визави, группа-визави, и нация-визави). В силу этого основной целью всякого государства будет являться максимально возможная оптимизация собственных «жизненных шансов» (Р. Дарендорф), сохранение себя, своей территории, ресурсов и своего символического универсума. Способы достижения этого можно называть как угодно – баланс сил, или баланс интересов (второе есть, скорее, эвфемизм первого, а не «качественно новое состояние»), но эгоистическая сущность государства является доминирующим фактором в определении его целей формулировании интересов. Характерной особенностью современного мира является то, что государства сегодня вынуждены отстаивать не только свою территориальную целостность и политико-экономическую независимость, но и свои символические универсумы, подвергающиеся в условиях информационной эпохи постоянной экспансии со стороны различных форм культурной унификации, «символическому насилию» (П. Бурдье), приобретшему статус фактора международных отношений.

Взаимные символические ряды в межгосударственных отношениях формируются исторически и онтологически. Созданные представления транслируются от поколения к поколению через социальную память и оказывают свое влияние на взаимодействие государств в новых исторических условиях. Факт противостояния и необходимость сосуществования влекут вместе с тем за собой перманентную корреляцию интересов и реальных возможностей. Оппонирующие символические универсумы, культивирующие и

оберегающие престиж или пафос государств, стремятся к выживанию и используют для этого все доступные средства, включая экспансию своего образа жизни, то есть паттернов поведения, мышления и мироощущения. Естественно, что всякая интервенция символического комплекса, осуществляемая как прямыми, так и опосредованными методами, встречает более или менее сильное сопротивление со стороны комплекса государства-визави, преследующего точно такие же цели. Мотивация естественна – пространственное расширение именно твоего варианта смысловых интерпретант расширяет, фактически, и твою ойкумену, твой «жизненный мир» увеличивается за счет приобретения новых «территорий манипуляторной сферы» – понятных, доступных и подвластных тебе. Поэтому несут свое понимание демократии в широкие международные массы Соединенные Штаты, поэтому же занимался ревностным прозелитизмом своего понимания социализма Советский Союз, и поэтому же существует институт религиозного миссионерства [1, с. 48].

Относительная гуманизация современного мира, выражающаяся в осуждении войн, как средств политики, в декларации права народов на самоопределение, не повлияла, в принципе, на исходные факторы конфликтогенности мира. То есть на потребности в дешевой рабочей силе, в рынках сбыта и сырья, на амбициях и стремлении утверждения своего места и увеличения возможностей. Наряду с этим условия современного мира таковы, что, исходя из его высокой интегрированности, взаимопроницаемости и развития средств массовой коммуникации, экспансионистски ориентированные государства обретают возможность реализации своих устремлений и интересов на новом, более опосредованном и сложном уровне. Для того чтобы заставить то или иное государство или группу стран следовать в русле определенных предпочтений, часто достаточно использовать символическое давление. Осуществляться оно может как через различного рода политические, экономические и военные международные организации, так и через экспансию смысловых комплексов. Таким образом, как уже говорилось выше, символическое насилие приобретает статус влиятельного фактора

международных отношений. П. Бурдье, рассматривая феномен легитимного, или правильного языка, вводит такие понятия, как «лингвистический рынок» и «держатели лингвистического капитала». Именно последние, согласно французскому социологу, «определяют законы ценообразования лингвистического рынка», который через разработанную систему санкций обеспечивает легитимизацию «официального языка», то есть определяет наиболее ценный и должный вокабуляр, и отклоняющийся от нормы. Наряду с этим П. Бурдье говорит о феномене символической власти, «конституирующей данность через речь, заставляющей людей видеть и верить, подтверждающей или трансформирующей видение мира, и тем самым воздействующей на мир. Это почти «магическая власть, дающая возможность обрести эквивалент того, что обретается силой физической или экономической» [5, с. 170].

Мыслитель рассматривает феномены «символической власти» и «лингвистического рынка» применительно к дифференциации социального пространства и диспозиций агентов, опираясь, в частности, на марксистское понимание доминирующего класса, как стремящегося, в целях удержания своего положения, к приданию статуса «всеобщности» своим воззрениям и своей культуре. Доминирующий класс, таким образом, реализует «символическую власть» через символическое же насилие, как опосредованное принуждение людей не только к определенному виду электорального поведения и политической культуры, но и к определенным образцам потребления, производства, отдыха, и т.д., создавая и распространяя в обществе набор предпочтительных суждений и категорий очевидности. Более того, держатели «символического капитала», являющиеся основными заказчиками идеологической продукции, следят, по мнению П. Бурдье, за тем, чтобы и символическое насилие трактовалось его адресатами совершенно определенным образом, то есть не как таковое, поскольку только в этом случае оно будет действительно эффективным. Соответственно, «идеологическая продукция тем действеннее, чем более она способна представить аморальной или незаконной любую попытку редуцировать ее до ее истинного содержания. Способность

обвинить всякое исследование идеологии в идеологичности есть специфичная характеристика доминирующей идеологии: оглашение скрытого содержания дискурса является скандальным, поскольку оно высказывает то, что «ни в коем случае не должно быть оглашено» [5, с. 153].

Похожие идеи формулировал и американский исследователь Х. Данкан, писавший о том, что «величайшая социальная революция XX в. имела место именно в коммуникации, средствах, с помощью которых власть предержащие создают и контролируют образы, или наименования, и легитимизируют тем самым свою власть... Идеологии являются символическими формами, они есть наименования, и тот, кто создает и контролирует эти имена, контролирует наши жизни. Любой «справочник революционера» говорит о том, что первым шагом в захвате власти является приобретение контроля над всеми символами власти и средствами коммуникации. Мы можем взять власть силой, однако наше поведение определяется именно образами, используемыми в повседневной коммуникации, и тот, кто контролирует создание и распространение этих образов, контролирует общество» [6, с. 33].

Эти положения вполне применимы к анализу сегодняшней международной системы. В условиях глобализации совершенно явно возникает и глобальный лингвистический рынок с совершенно определенными держателями лингвистического капитала, относящимися, прежде всего, к «социокультурной модели», которая и определяет процессы «ценообразования» на данном рынке. Соответственно, содержание «легитимного» вокабуляра («наименований») и набор категорий очевидности отражает, главным образом интересы данной группы «лингвистических акционеров». «Правильный» язык современного мира включает такие понятия, как «демократия», «права человека», «свободный рынок», «равенство», «гражданское общество», «конкуренция» и т.п., являющиеся, фактически, категориями очевидности значительной части сегодняшнего мирового сообщества. Совершенно очевидны как стремление доминирующей группы дезавуировать все, расходящееся с данным вокабуляром, стигматизировать его как «неправильное», «негуманное», или даже

«чудовищное», так и активное использование соответствующей риторики для достижения своих вполне конкретных целей – то есть удержания доминирующих позиций. Таким образом, для легитимизации военной кампании или революции оказывается достаточным определить неугодный режим в негативных, противоположных «правильному» вокабуляру терминах, как, например, «диктатуру», «нарушающий права человека», «отсутствие свободы слова», и т.д. Характерно, что политика доминирования в глобализирующемся мире является вполне отработанной и находит часто самую горячую поддержку и в кругах интеллектуалов – представителей «лингвистического капитала». Например, целый ряд политических обозревателей самым непосредственным образом призывают сделать все для удержания и усиления доминирующих позиций США или других стран – главных игроков на мировой арене – именно с точки зрения культурного измерения глобализации. «Ведь если речь идет о международной конкуренции идей, нужно приложить максимум усилий для того, чтобы идеи и понятия нашего «цивилизационного» общества доминировали в мире, во-первых, потому что они, на самом деле, являются самыми лучшими, а во-вторых – для обеспечения безопасности этого общества» [1, с. 49].

В социальных науках существует столько же концептуализаций глобализации, сколько дисциплин. Все эти подходы и темы представляются вместе с тем вполне релевантными, если рассматривать глобализацию как многомерный процесс, который, как все значительные социальные процессы, осуществляется во множестве сфер существования одновременно. Глобализация может быть понимаема как бесконечный синтез нескольких дисциплинарных подходов. Таким образом, каждое исследование определенного измерения глобализации требует специфичной концептуализации. В данном контексте можно определить глобализацию как мировой процесс трансформации символов и символических сфер, в ходе которого «фальсифицируются, верифицируются, и/или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, и категории очевидности» [1, с. 50]. Относительно

«легитимных одежд» символической власти и насилия, то они необходимы для их эффективности, именно с их помощью, по мнению П. Бурдье, приобретается такая составляющая успеха доминирования, как «нераспознание» сущности и характера политики доминирования личностью, группой, обществом в целом.

Очевидно, что, несмотря на явно доминирующий «западный» характер культурной глобализации, этот процесс далек как от однородности, так и от гармоничности. Символическое насилие с неизбежностью вызывает и символическое сопротивление, по крайней мере, в тех частях мира, которые не позволяют ввести себя в заблуждение относительно легитимности и безупречности основных «товаров» современного «лингвистического рынка» [5, с. 140]. Глобализация одновременно объединяет и отчуждает, символизирование и символизация идут здесь рука об руку. Отметим, что в данном контексте «символизирование» представляет перманентный процесс заполнения «чистого опыта», интеллектуально-эмпирического постижения «истинных сущностей бытия» (Аристотель), приближения мира к человеку. «Символизация» понимается как «прогрессирующая условность», опосредования отношений мира и человека. И в первом, и во втором случае опосредующие символические конструкты – также и инструмент, и результат данных процессов, первый из которых – субъективация мира, второй – его объективация, становления застывших форм. Первое – это «уход» в мир значимых форм, а второе – объективация мира, его «отдаление».

Отчуждаются от глобального рынка экономические территории («исключенные сегменты», по выражению М. Кастельса), личности отчуждаются от комплекса собственных социальных идентичностей. «Отличительной чертой символического доминирования, – говорит П. Бурдье, – является то, что оно внушает тем, кто подчиняется ему, представление, бросающее вызов привычной дихотомии свободы и ограничения» [5, с. 51]. Это наблюдение как нельзя лучше соответствует сложившейся ситуации с оценкой проблемы идентичности и свободы в глобализирующемся мире. Например, Э. Гидденс утверждает, что «традиция и обычай все более ослабляют свое

воздействие на наши жизни», и это положительный, согласно автору, процесс, поскольку он «предоставляет человеку невиданный до того уровень личной свободы» [7, с. 17]. С точки зрения М.В. Льоса «глобализация должна только приветствоваться, поскольку невероятно расширяет горизонты индивидуальной свободы» [1, с. 50]. Сходное мнение высказывает и П. Бергер, когда пишет, что «на культурном уровне возник серьезный вызов плюрализма: разрушение само собой разумеющихся традиций и появление возможности выбора среди верований, ценностей и жизненных стилей. Представляется обоснованным сказать, что этот процесс ведет к увеличению как индивидуальной, так и коллективной свободы. Вряд ли тот, кто ценит свободу, будет порицать это развитие, несмотря на его цену» [4, с. 18].

Вместе с тем «человечество должно расширить свое понятие о культурном наследии за счет включения в него нематериальных феноменов, таких как традиция и обычай, наряду с великими монументами и памятниками природы», высказывая в то же самое время беспокойство по поводу того, что «культурная идентичность и выражение, испытывающие разнообразные вызовы со стороны процессов глобализации, могут привести к отрицанию разнообразия, следовательно, культура может быстро оказаться связанной с конфликтом» [9]. Таким образом, больше не очевидно – положительным или отрицательным явлением выступают культурные традиции (а, следовательно, идентичность); никто не может с определенностью сказать разочаровалась является ли культурное разнообразий фактором, преимущественно поддерживающим глобализацию, или наоборот разочаровалась главным источником анти-глобалистского движения? Очевидно, конфликт на символическом уровне глобализации будет в ближайшее время только усиливаться. По словам Ж. Бодрийяра «нет никакого «столкновения цивилизаций» или религий… На самом деле, мы видим победоносную глобализацию, сражающуюся против себя самой... это сам мир, земной шар сопротивляется глобализации» [3, с. 11-12]. Основной причиной этой борьбы Ж. Бодрийяр считает (в отличие от цитировавшихся выше авторов) внутренне присущую глобализации угрозу

свободе, которой «уже тускнеет в умах и обычаях, и либеральная глобализация приходит в абсолютно противоположной форме – полицейского государства, тотального контроля, террора, основанного на средствах «закона и порядка». Разупорядочение (deregulation) приводит к максимуму ограничений и запретов, родственных ограничениям и запретам фундаменталистского общества» [3, с. 32].

Достаточная обоснованность выводов Ж. Бодрийяра подтверждается тем, что с точки зрения символической составляющей социального мира, значения символов для индивидуальной и прочих идентичностей, глобализация, являет собой действительную угрозу «частным» символическим сводам, будь это уровень личности или государства, а значит, и угрозу свободе, как общественной, так и индивидуальной. Роль символов и «держателей символического капитала» здесь трудно переоценить. Характерно в этой связи, что понятие «лингвистического рынка» П. Бурдье перекликается с понятием «глобального разговора» (global speak). Здесь имеется в виду, что «глобализаторы» используют специфичный вокабуляр, основанный на структуре разделяемого опыта и общих перспектив, включающий понятия, почерпнутые из областей социальной науки, прав человека, рынка и мультикультурализма. «Этот вокабуляр обеспечивает условия, благодаря которым создается власть глобальных предписаний, и легитимизируются его частные инструментальные цели... Если эпистемологическая власть глобальных элит основана на языке социальной науки, то моральная власть опирается на язык универсальных индивидуальных прав и потребностей» [1, с. 51]. То есть речь ведется о стремлении глобальных элит опять-таки «придать статус всеобщности» своим собственным ценностям и воззрениям, что должно обеспечить символическое насилие необходимой «ненавязчивостью» и легитимностью.

Категории очевидности, «очевидные» для «глобализаторов», выступают универсальным мерилом, с которым подходят к оценке всех сопутствующих глобализации явлений и социальной практики вообще. Естественно, что такой подход должен встречать известное сопротивление – символическому насилию,

осуществляемому на глобальном уровне, противостоят как символические барьеры на локальных уровнях, так и «антиглобалистское движение, само приобретающее глобальный характер» [1, с. 51]. О символической природе новой глобальной власти и неизбежных символических столкновениях в глобализирующемся мире говорит и М. Кастельс [2, с. 503]. Таким образом, достаточно логичным представляется вывод о том, что если «история действительно есть процесс осуществления идеи свободы» (Г. Гегель), она в то же самое время есть, фактически, и процесс осуществления «идеи власти». Причем свобода все более есть свобода творческого акта, духовного раскрепощения индивида, спонтанного и ничем не ограниченного символотворчества, власть же, в свою очередь, характеризуется и измеряется степенью возможности «обращения» в определенную символическую систему и удержания в ней. Тем самым свобода есть символизирование, власть же есть выражение символизации. Глобальная власть есть глобальная символизация.

Представляется, что символические конфликты в глобализирующемся мире будут происходить в двух основных измерениях или горизонтах – институциональном и социо-эпистемологическом. Институциональный горизонт глобализации включает в себя такие социальные институты и практики, как религия, идеология, образование и массовая культура. Если конфликтогенный потенциал первых двух институтов достаточно очевиден, то последующие два нуждаются, на наш взгляд, в некотором пояснении. Образование вообще, и высшее образование – в особенности, функционирует как агент идеологической и этнической социализации, что неизбежно предполагает противоречия между культурной экспансией глобализации и национальной системой образования, с ее ценностями, нормами, представлениями и «скрытой учебной программой» [1, с. 52]. Фактически, национальные системы образования поставлены во всем мире перед выбором – или стараться сохранять собственные традиции и стандарты, рискуя оказаться «исключенными», или уступить экспансии более динамичных и конкурентоспособных образовательных моделей, рискуя утратить известную часть собственной идентичности. Что касается массовой культуры, то

последняя, очевидно, является слабейшим звеном перед лицом, культурной глобализации. Этот институт, однако, может быть превращен в один из сильнейших форпостов сопротивления, при условии наличия осознанной и мощной политической воли, подкрепленной соответствующей ситуацией в первых двух институтах – религии и идеологии.

Социо-эпистемологический горизонт культурной глобализации включает в себя социальную идентичность (этническую, религиозную, тендерную, групповую, профессиональную и т.д.); социальные воззрения (восприятие себя, других, внутренней и внешней реальности, когнитивные стили и эмоциональные средства группового выживания, суждения «здравого смысла» и общее мировоззрение); социальную патологию (делинквентность, наркотики, алкоголизм, уровень общей деструктивности) и социальный контроль (средства, используемые данным обществом для борьбы с социальным отклонением). То есть социо-эпистемологическое измерение состоит по преимуществу из категорий очевидности, свойственных той или иной культуре, тому или иному обществу – символических комплексов, отражающих социальную реальность и определяющих стиль восприятия и способ реакций на эту реальность. Собственно, содержание и характер социальных воззрений определит и саму возможность символических потрясений в данном обществе, их масштаб и брутальность. Социальная патология и социальный контроль, в свою очередь, являются факторами, состояние которых или обеспечит социальный организм известной стабильностью и целостностью перед лицом проблем глобализации или усугубит символические потрясения в период культурного вторжения, стимулируя чувства страха, отчуждения, хаоса, и агрессии.

Заметим, что социальная девиация сама по себе, вне зависимости от «теории ярлыков» и «девиантной карьеры», выступает социокультурным феноменом, проявления которого, равно как и контроль над которым, принимают в каждом новом поколении формы категорий очевидности. Набор девиантных практик разнится от поколения к поколению и от культуры к культуре, вместе с тем есть основания полагать, что глобализирующийся мир, унифицируя до известной

степени категории очевидности современных обществ, расширяет и пространственную область социальной патологии. Последняя зачастую приобретает даже своего рода престижные, или, по крайней мере, значимые черты, превращаясь иногда из «продуктов лингвистического рынка» в совершенно осязаемые продукты рынка вполне реального. То есть девиация, представляя собой символический комплекс, также осуществляет, благодаря глобализации, культурную экспансию, вступая в столкновение с понятиями о нормальном и отклоняющемся, принятыми в данном обществе. Опасность становится наибольшей тогда, когда очевидная патология рядится в одежды приемлемости и релятивизма, что напоминает принцип необходимой «ненавязчивости» символического насилия (П. Бурдье) для его действительной эффективности [1, с. 53].

Таким образом, состояние дел в институциональном и социо-эпистемологическом измерениях того или иного государственного образования определит глубину и разрушительность символических потрясений, которые предстоит пережить данному образованию. Проблема степени конгруэнтности символических систем играет важную роль в данной интеракционной системе – очевидно, что участники взаимодействия, чьи символические коды достаточно близки коду доминирующему (или, если угодно, небезуспешно стремящемуся к доминированию), скорее всего, переживут относительно приемлемые символические конфликты. Те же участники, чьи символические комплексы резко расходятся с комплексом глобализирующимся, должны будут перенести, по всей видимости, весьма серьезные потрясения, как в институциональном, так и в социо-эпистемологическом измерениях социальной жизни.

В данном контексте глобализирующийся символический комплекс можна сравнить с понятием «гипертекста» М. Кастельса, который писал: «Все выражения из всех времен и всех пространств смешиваются в одном и том же гипертексте, постоянно реорганизуемом и доступном в любое время и откуда угодно, в зависимости от интересов отправителей и склонностей получателей. Эта виртуальность есть наша реальность вследствие того, что именно в этом

поле вневременных, лишенных места символических систем мы конструируем категории и вызываем образы, формирующие поведение, запускающие политический процесс, вызывающие сны и рождающие кошмары» [2, с. 505]. Итоги таких потрясений малопредсказуемы, они могут принять форму культурной ассимиляции, резко возросшего сопротивления, внутренней социальной деструкции или «исключения исключителей исключенными» (М. Кастельс), при котором «страдательная» сторона начнет в высшей степени активно отстаивать всеми доступными методами альтернативные системы ценностей.

Таким образом, развитию человеческого знания способствовало все многообразие познавательных практик и моделей, созданных человеком. Однако взгляд на состояние человечества, его внутренних отношений и характера ситуаций, которые оно производит, вынуждает нас признать, полагал Н. Эмиас, тот факт, что мы находимся, пожалуй, на очень ранней стадии развития. Человечеству еще предстоит подняться на действительно высокий уровень человечности. «Эта задача – ближайших миллионов лет, которые дают людям шанс достигнуть, наконец, гармоничного баланса между самоограничением и самореализацией» [8, с. 147]. Подчеркнем – гармоничного баланса, между различными символическими системами, при котором продукты «лингвистического рынка» и содержание «глобального разговора» не страдают очевидной однобокостью и пристрастностью и не мотивируются интересами преимущественной выгоды (в том числе, совершенно материальной) какой-то одной страны или культуры. К одному из парадоксальных качеств символа относится его идентификационная амбивалентность – символ одновременно объединяет и отделяет. Сам по себе, однако, данный феномен не должен нести ответственность за брутальность истолкований, осуществляемых людьми. Универсальные качества символа в то же время могут и должны, скорее всего, быть использованы более плодотворным образом в целях гармонизации человеческих отношений на всех интеракционных уровнях. Такого рода

потенциалом символ, безусловно, обладает, и дело, следовательно, только за нами – нашей волей и нашими интерпретациями.

Список использованных источников и литературы:

1. Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть / О.А. Кармадонов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 47-56.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: Изд-во ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Baudrillard J. The Spirit of Terrorism London – New York: Verso, 2002. – 34 p.
4. Berger P. The Gultura Dynamics of Globalization in Reshaping Our Lives. – New York: Routledge, 2000.- 623 p.
5. Bourdieu P. The Production and Reproduction of Legitimate Language. – Language and Symbolic Power. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 291 p.
6. Duncan H.D. Symbols in Society. – New York: Oxford University Press, 1968. – 262 p.
7. Giddens A. Runaway World: How Globalization in Reshaping Our Lives. – New York: Routledge, 2000. – 101 p.
8. Elias N. The Symbol Theory. – London. Sage, 1991. – 187 p.
9. World Culture Report, 2000. – Paris: UNESKO Publishing, 2000. – (www.unesco.org/bpi/WCR2000). – 415 p.